

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Д. О. Тимошкин, А. А. Волошин

Как неформальные посредники в строительной индустрии влияют на включение трансграничных мигрантов в теневой рынок труда¹

(На примере Иркутска и Красноярска)

ТИМОШКИН Дмитрий Олегович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии ИГУ, Иркутск; доцент, кафедра культурологии и искусствоведения ГИ СФУ, Красноярск. Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

Email: dmtrim@gmail.com

В статье рассматриваются неформальные посредники, поставляющие рабочих-мигрантов из Северной Кореи и стран Центральной Азии на сибирские стройки. Нас интересовали роль, которую посредники играют в процессе формирования поступающих в Россию миграционных потоков, её влияние на интеграцию трансграничных мигрантов в неформальную экономику сибирского города. Цель исследования заключалась в том, чтобы ответить на вопрос о причинах востребованности неформальных посредников в мигрантоориентированных отраслях экономики, несмотря на тщательный государственный контроль труда приезжих в России. Опираясь на 13 полуформализованных интервью с неформальными посредниками и сотрудничающими с ними представителями строительной индустрии, мы определили функции посредников и их место в неформальной экономике сибирского города. Посредники занимаются тем, что обменивают накопленный за годы пребывания в России социальный капитал, особенно контакты с местными чиновниками и силовиками, на часть дохода иностранных рабочих, упрощая взаимодействие между ними, российским государством и бизнесом. Установлено, что неформальные посредники содействуют воспроизводству трансграничных потоков, состоящих из ориентированных на занятость в теневом сегменте рынка труда мигрантов. Посредники упрощают для них структурную интеграцию, помогая включению мигрантов в теневые сегменты рынка труда. Обходя установленные формализованные алгоритмы, посредники опираются на покровительство местных «городских политических режимов», что позволяет снизить для мигрантов издержки, связанные с пребыванием в стране, к выгоде всех участников процесса. Гипотетически востребованность неформальных посредников объясняется двумя факторами. Первый из них — незнание русского языка и реалий жизни в больших городах мигрантами из сельской местности центральноазиатских стран. Будучи заинтересованы в том, чтобы отправиться на заработки в РФ, они не имеют достаточно информации и ресурсов, которые им предоставляет посредник в обмен на часть их будущего дохода. Второй фактор заключается в том, что вовлечение мигрантов в теневую экономику чрезвычайно выгодно локальным «городским

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10075 (<https://rscf.ru/project/22-78-10075/>).

ВОЛОШИН Андрей Александрович — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Адрес: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

Email: voloha94@yandex.ru

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

режимам» — силовикам, муниципальным чиновникам и представителям строительного бизнеса, которые получают с этого процесса ренту в той или иной форме. Таким образом, неформальные посредники одновременно удовлетворяют потребности «городского режима» в ренте и трудовых мигрантов — в возможности заработать, способствуя формированию миграционных потоков, состоящих из ориентированных на теневую занятость мигрантов. Посредники содействуют структурной интеграции мигрантов, в то же время препятствуя другим формам интеграции и делая их попросту ненужными.

Ключевые слова: посредник; трудовой мигрант; Центральная Азия; горизонтальные сети; КНДР; структурная интеграция.

Введение

Иностранные рабочие являются весьма востребованным для российской экономики ресурсом с конца 1990-х гг. [Рязанцев 2016]. В основных странах-донорах к тому моменту наблюдались дисбаланс спроса и предложения на рынке труда, отсутствие условий для экономического роста [Pomfret 2003]. Выходцы из бедных районов Таджикистана и Узбекистана стремились переехать в более развитые и благополучные российские регионы. Постепенно трудовые мигранты, количество которых быстро росло [Рязанцев 2018], стали неотъемлемой частью экономик многих российских региональных столиц, включая сибирские. Увеличивалось число мигрантозависимых отраслей, среди которых можно выделить строительство, торговлю, сферу услуг, сельское хозяйство [Попов 2003].

Готовая к тяжёлому физическому труду дешёвая рабочая сила была именно тем, в чём нуждались российские регионы [Миграция населения... 2022], и именно тем, что могли предоставить среднеазиатские страны. Удовлетворяя эту потребность, приезжие шли на «3d» (*dirty, dangerous and difficult* — грязные, опасные и трудные) работы — стройки, в розничную торговлю, сферу обслуживания [Attas 2000; Мукомель 2017]. Многим мигрантам — особенно из визовых стран — приходилось преодолевать сложные и многочисленные бюрократические барьеры, нередко делавшие интеграцию весьма затратным и унижительным процессом [Деминцева, Мкртчян, Флоринская 2018].

Зачастую приезжающие в Россию мигранты попросту не имели достаточно ресурсов для того, чтобы позволить себе издержки на легализацию, что снова и снова выталкивало их в «серую зону» местной экономики [Барсукова 2000]. Ситуация усугублялась и тем, что многие мигранты прибывали из сельских районов, не имели опыта жизни в больших городах и в некоторых случаях не знали русского языка [Деминцева 2020]. У иных были весьма расплывчатые представления о том, как работает законодательство, регулирующее их пребывание в России [Зокиров 2009; Ворона, Карпова 2013]. Дополнительным фактором, способствующим вытеснению мигрантов в «серую зону», был правовой плюрализм, который усложнял формализованные алгоритмы легализации и интеграции. В итоге, приезжая в Россию,

трудоустроенные мигранты сталкивались со сложной системой формализованных и неформальных взаимодействий предпринимателей, чиновников, силовиков, регулирующих миграционные процессы на локальном уровне [Гладарев, Цинман 2010; Пешкова 2018], практически не умея в ней ориентироваться.

Всё вышесказанное относилось и к мигрантам из визовых стран, активно включившимся в эксперименты с рыночной экономикой на постсоветском пространстве [Ларин 2009; Григоричев 2020]. Китайские, вьетнамские товары и торговцы на повсеместно распространившихся по сибирским и дальневосточным городам вещевых рынках стали такой же привычной частью российской повседневности, как и корейские рабочие на стройках [Аносов 2009; Григоричев et al. 2019].

Проблемы, связанные с правовой незащищённостью, высоким уровнем неопределённости, дискриминацией, мигранты решали за счёт развитых горизонтальных сетей [Бредникова, Паченков 2002]. Они помогали приезжим накапливать социальный и финансовый капитал, информацию о том, как устроены российская экономика и общество, как выстраивать взаимодействие с государством. Горизонтальные сети оказывают серьёзное влияние на содержание и направление миграционных потоков, определяя не только характер занятости конкретного мигранта, но и условия, в которых он трудится, размер зарплаты, риски [Boyd, Nowak 2012; Salami et al. 2022].

Одним из ключевых элементов горизонтальных сетей, складывающихся вокруг трансграничных миграционных потоков, становятся неформальные посредники [Гребенщикова 2007]. Неформального посредника можно определить как человека, интегрированного в неформальную экономику принимающего региона, обладающего значительным социальным капиталом, специализирующегося на поиске иностранной рабочей силы и обеспечении его взаимодействия с работодателем и бюрократией принимающего города. Такие люди активно выстраивают, поддерживают, обслуживают и эксплуатируют горизонтальные сети, помогая приезжим освоиться в новом городе, решить проблемы с работой, жильём и документами [Олимова, Боск 2003; Гребенщикова 2007; Дмитриев, Пядухов 2010; Неделько, Пядухов, Живодрова 2015; Urinboev 2021]. Услуги неформальных посредников дают возможность мигрантам сэкономить на легализации [Buckley et al. 2016], упростив процедуру «входа» в тот или иной сегмент экономики [Broek, Harvey, Grousis 2016].

Феномен неформального посредничества многократно описывался [Enright 2013; Spaan, Naerssen 2017]. В том числе на российском материале анализировались функции неформального посредничества на рынке труда сибирского города [Гребенщикова 2007], взаимодействия неформальных посредников с формализованными организациями [Гребенщикова 2007]. Проблема посредничества затрагивалась и в исследованиях, посвящённых отдельным мигрантозависимым отраслям в Москве [Олимова, Боск 2003; Urinboev 2021].

Исследователи посредничества рассматривают преимущественно именно западные российские регионы. В этих работах редко анализируются причины, по которым феномен неформального посредничества остаётся повсеместно распространённым в России и в Сибири в частности, несмотря на растущее внимание государства к регулированию миграционных потоков. Ставя подобный вопрос, нельзя обойти вниманием проблему взаимодействия посредников, мигрантов и местных «городских политических режимов», контролирующих ориентированный на мигрантов рынок труда. Понятие «городской режим» [Ледяев 2008] означает неформальный конгломерат бюрократии, силовиков и бизнеса, концентрирующий в своих руках значительную власть над городом, местной экономикой и обществом. Понятие «городской политической режим» было выбрано для описания акторов, играющих активную роль в организации локальных строительных рынков. Привлекательность термина в том, что он объединяет как формализованные, так и неформальные практики взаимодействия между региональным бизнесом, муниципальными властями и силовыми структурами.

Наша цель заключалась в том, чтобы проверить это предположение, описав практики взаимодействия мигрантов, неформальных посредников, предоставляющих рабочую силу из Северной Кореи и стран Центральной Азии на строительные объекты Красноярска и Иркутска, и влиятельных групп принимающего региона. Выбор строительной индустрии обусловлен прежде всего тем, что именно её называют одной из наиболее ориентированных на мигрантский труд областей [Urinboev 2021]. Такая зависимость вызвана низкими зарплатами в сфере, высокими рисками и тяжёлыми условиями труда. Именно стройка является одной из наиболее частых отправных точек в карьерах трансграничных мигрантов. При этом данная область является критически значимой для любого города, и от квалификации работающих здесь людей зависит благополучие множества горожан.

Выбор посредников, работающих с выходцами из Центральной Азии и Северной Кореи, обусловлен существенной разницей в характере миграционных потоков, исходящих из данных регионов. Эта разница прежде всего объясняется ролью, которую в организации и составе миграционных потоков играет государство-донор. В случае с центральноазиатскими республиками миграция имеет более спонтанный характер и в меньшей степени контролируется регионом исхода; в случае с Северной Кореей государство-донор полностью контролирует её [Ланьков 2020]. При этом как выходцы из Центральной Азии, так и северокорейские рабочие активно задействованы в строительной индустрии в Сибири, взаимодействуя в общем-то с одними и теми же регулирующими её акторами. И в том и в другом случае деятельность мигрантов в принимающей стране во многом протекает в «серой зоне» и в значительной степени зависит от активности неформальных посредников.

Как проводилось исследование

Мы опирались на 13 полуформализованных глубинных интервью продолжительностью до полутора часов и наблюдение. Респондентами стали предприниматели — мигранты и представители принимающего сообщества, взаимодействующие с посредниками или сами осуществляющие посредническую деятельность. В беседах с представителями строительного бизнеса мы спрашивали их о том, как они находят иностранную рабочую силу, как складываются отношения с посредниками и какую роль эти последние играют в формировании миграционных потоков. Посредников мы спрашивали о том, как складывается их карьерный путь, каким образом выстраивается сотрудничество с трудовыми мигрантами, российским государством и бизнесом.

Респондентов авторы искали методом «снежного кома» в течение 2022 г., используя ресурсы горизонтальных сетей, в которые были включены. Оба автора данной статьи имеют неформальные контакты в строительной сфере, что позволило найти первых респондентов, а затем расширить их круг. Так, один из авторов проводил включённое наблюдение на иркутских стройках в рамках других исследовательских проектов, работая разнорабочим и монтажником-высотником, что позволило ему получить интервью у посредников, с которыми он взаимодействовал сам.

Количество интервью объясняется спецификой поля. Учитывая высокий уровень неформальности в описываемой социальной группе, респонденты испытывали вполне понятные опасения, связанные с раскрытием особенностей их сферы деятельности. Это повлияло на их готовность разговаривать с исследователями. Закрытость для посторонних наблюдателей, высокий уровень неформальности и рисков в строительной индустрии приводили к тому, что доверие, основанное на личных неформальных контактах и рекомендациях, являлось значимым (если не необходимым) условием согласия посредников и представителей строительного бизнеса на интервью. В силу вышеперечисленных факторов иные способы сбора материала представлялись непродуктивными. Выборка не является репрезентативной; сделанные нами выводы не претендуют на какие-либо обобщения, выходящие за пределы городов, в которых проводились интервью.

Респондентами стали неформальные посредники из Центральной Азии, занятые в строительном бизнесе предприниматели, имеющие опыт работы с мигрантами как из ЦА, так и из Северной Кореи. Респондентов, работавших с выходцами из КНДР, меньшинство, поскольку северокорейских трудовых мигрантов в Сибири, в принципе, существенно меньше, нежели выходцев из Центральной Азии. К тому же, выходцы из Северной Кореи реже говорят по-русски, подвергаются постоянному надзору, даже находясь в России, что тоже снижает шансы на диалог с ними.

Анализируя нарративы респондентов, мы выделяли из них следующие тематические категории:

- взаимодействие посредников и «городских политических режимов»;
- взаимодействие посредников и мигрантов; карьерные траектории и характеристики самих посредников;
- последствия посреднической деятельности для процесса интеграции трансграничных мигрантов в сибирский город.

Для обеспечения безопасности респондентов мы намеренно исключили из статьи и цитат респондентов топонимы, названия юридических лиц, имена. Респонденты неоднократно подчёркивали, что не хотели бы публикации никакой указывающей на них информации.

Посредники и горизонтальные сети мигрантов из Центральной Азии

По словам респондентов, неформальный рынок посреднических услуг в строительной индустрии в Иркутске и Красноярске сегодня обладает сформировавшейся внутренней структурой, где за несколькими давно действующими на рынке ключевыми акторами закреплены определённые сегменты. Разные посредники или группы посредников либо специализируются на каком-то конкретном виде строительных услуг (высотные работы, отделка, мелкий текущий ремонт зданий, возведение вентилируемых фасадов, покраска, кровельные работы и т. д.), либо монополизируют доступ к той или иной крупной организации-заказчику. Так, один специализируется на поставке бригад на субподряды по строительству железнодорожных путей, другой привозит рабочих на деревообработку, третий сотрудничает с муниципальными учреждениями, четвёртый — с крупными добывающими компаниями и привозит трудовых мигрантов на вахту, где они обслуживают нефте- и газодобывающие предприятия.

Целостность структуры рынка посреднических услуг обеспечивается благодаря сложившимся в течение многолетнего взаимодействия неформальным отношениям между посредниками, строительными подрядчиками, чиновниками и мигрантами. Построенный на репутации социальный капитал позволяет посредникам снижать риски и неопределённость, что, собственно, и является основным товаром, за который они берут деньги. Механизм репутаций позволяет участникам рынка обеспечивать себе относительную безопасность даже в случае действий в «серой зоне», где договорённости между ними не обеспечиваются ничем, кроме слов. Некоторые посредники заводят юридические лица для сотрудничества с организациями, при этом взаимодействие с непосредственными исполнителями работ полностью остаётся в «серой зоне». Отношения с рабочими строятся исключительно на устных договорённостях, работа оплачивается наличными.

Механизм репутаций, таким образом, работает на пользу всем участникам рынка: посредники и мигранты благодаря ему могут рассчитывать на то, что подрядчик выполнит свои обязательства и заплатит за работу; подрядчик же уверен, что рабочие выполнят оговорённый объём и при необходимости устранят недостатки. В случае нарушения договорённостей информация быстро распространяется по

«сарафанному радио», что может привести к затруднениям у недобросовестного подрядчика при поиске рабочей силы, а у недобросовестного посредника или работника — при поиске объекта.

В небольшом сибирском городе одновременно может работать около десятка крупных неформальных бригадиров-посредников, специализирующихся на ввозе в Россию трудовых мигрантов из Центральной Азии. Каждый из них привозит в принимающий город группы рабочих численностью 100–150 человек, которые затем распределяются по объектам в разных населённых пунктах региона. Часть мигрантов, сотрудничающих с одним и тем же посредником, постоянно приезжают на одни и те же работы; другие распределяются по случайным подрядам.

Нередко посредниками оказываются мужчины среднего возраста, обладающие обширными неформальными контактами в службе занятости, полиции, региональном миграционном центре, больницах, городской администрации. Многие из них сами имеют богатый миграционный опыт. Для успешного посредника очень важно иметь аналогичные связи в стране исхода, что позволяет им нанимать достаточное количество людей, закрывающее потребности постоянных клиентов в России.

Я знаю одного посредника, он просто живёт в летний период, когда сюда приезжает, с женщиной из миграционной службы. Машину ей купил, гараж построил (респондент 4)².

Из-за необходимости поддерживать горизонтальные связи и там, и тут многие посредники живут на два дома. Некоторые имеют двойное гражданство. Часто они сами несколько лет проработали на стройке. Посредники встраиваются в трансграничные миграционные потоки практически на всех ключевых этапах. Поиск рабочих производится в стране исхода. Иногда жители сельских территорий сами выходят на посредника и просят его помочь найти работу в России. Бригады нередко формируются из родственников, друзей или земляков:

Вот он к себе приехал, все это видят. У них сообщество намного теснее. Они в основном деревенские. Тут же соседи идут, они многодетные. Дети подрастают. Если отец не в состоянии ездить, то к собственному брату, который ездит, засовывает или к соседу (респондент 9).

Важнейшими профессиональными качествами посредника, по словам респондентов, является способность выстраивать неформальную коммуникацию, вызывать у людей доверие, убедительность в частных беседах. Посредник не только должен отлично владеть русским языком, но и знать специфику построения диалога с разными социальными группами — от чернорабочих-мигрантов до мелких и крупных чиновников. Всё это необходимо для выстраивания взаимодействия с «городскими режимами», расположение которых является для посредника залогом успеха.

Знакомства в службе занятости приносят посреднику (а значит, и его клиентам-мигрантам) информацию о вакантных местах на городском рынке труда. Контакты с полицейскими и чиновниками снижают для подопечных мигрантов риск проверок или делают их менее строгими.

Знакомства в миграционном центре упрощают процедуру легализации, давая возможность привезённым посредником мигрантам быстрее оформить патенты. Знакомства в местной больнице позволяют клиентам посредника быстрее проходить медкомиссии и, невзирая на незнание языка, получать необходимые подписи. Один из авторов наблюдал ситуацию, когда группу мигрантов посредник привёз к городской поликлинике на автобусе. Забрав у мигрантов документы, он ушёл в поликлинику, вероятно, договариваясь о прохождении медкомиссии.

² Более подробные сведения о респондентах см. в приложении.

Для государственных служащих знакомство с посредником может означать возможность получить неформальную ренту, поэтому нередко чиновники сами могут инициировать контакт с ним:

Их ловят (Мигрантов. — Примеч. авт.) за несоблюдение миграционных норм, и они уже на месте договариваются, и в дальнейшем начинается сотрудничество. РОВД прижимает первый раз и как бы намекает на завязывание контактов (респондент 5).

Будущий посредник может накапливать социальный капитал годами, будучи обычным трудовым мигрантом в России. Выполняя работы на приусадебном участке какого-либо городского чиновника, мигранты заводят с ним знакомство и сохраняют этот контакт на долгие годы, что помогает им начинать и вести посреднический бизнес, обеспечивая выход на муниципальные контракты. Иногда карьера посредника растёт вместе с карьерой его постоянного клиента, который от мелкого бизнесмена может дорасти за несколько лет до крупных должностей в местной администрации. Посредник, приехавший в начале 2000-х на заработки в Россию, попадает на стройку к начинающему предпринимателю. Если последний удовлетворён качеством работ, он снова и снова приглашает одного и того же человека, который впоследствии может пристроить на тот же объект своих знакомых. Он обзаводится контактами в городской администрации и в силовых структурах, может поделиться ими с давним партнёром во взаимной выгоде.

Товаром посредника является обещание безболезненного и сравнительно быстрого процесса структурной интеграции привезённых им мигрантов в экономику города. За свои услуги посредник взимает 10–60% от ежемесячного дохода мигранта. Он также может из своих средств оплатить аренду жилья и оформление документов, занять деньги на дорогу. Некоторые посредники практикуют нечто вроде «барщины», в счёт долга заставляя мигрантов работать на других объектах в выходные дни:

Посредник покупает землю под строительство. Оформляет её на себя или кого-то другого. Предоставляет инструмент, материалы. Гастарбайтеры должны отработать. За год-два постепенно строит, потом просто-напросто реализует. Расценки самые минимальные. Исключил 10 тысяч, чтобы завезти, а произвёл работ на 40 (респондент 4).

После того как мигрант попадает в Россию, посредник помогает ему с получением временной регистрации, оформлением медицинских справок и прохождением медкомиссий, получением патента.

Представители власти заинтересованы во взаимодействии с посредниками в силу того, что это даёт им возможность на рентабельных условиях получить людей для выполнения строительных или ремонтных работ. Услуги мигрантов используются как в частных домохозяйствах самих представителей власти, так и на муниципальных объектах вроде детских садов и школ. Посреднику могут предложить взять небольшой подряд от муниципалитета или бесплатно поработать на приусадебном участке представителя «городского режима». В обмен он получит покровительство со стороны курирующих миграционные процессы чиновников.

В некоторых случаях знакомства открывают возможности для посредника давать взятки нужным людям в организациях, контролирующих миграцию, что также существенно упрощает те или иные бюрократические процедуры. Иногда миграционные чиновники сами заводят бизнес по оказанию посреднических юридических услуг, открывая офисы неподалёку от государственных миграционных центров. Эти офисы становятся местом контакта между неформальным посредником и государственной организацией, позволяющей конкретным бюрократам взимать с мигрантов «ренту», пользуясь своим положением. Участвующие в деятельности таких предприятий чиновники получают доход от созданной ими же фирмы, зарегистрированной, впрочем, на других людей. Формально фирма оказы-

вает консультационные услуги; фактически взаимодействующие с ней посредники платят за расположение государственного чиновника.

Сидит там товарищ в полковничьей должности. Ну-ка, где там у меня сват-брат? Организовали. Криминала нет, зашла организация для юридической помощи иностранным гражданам (респондент 5).

Помимо городской администрации, посредники завязывают неформальные контакты с местными силовыми структурами, которые также за определённую ренту могут предоставлять им те или иные преференции. Часто одной из таких платных опций становится игнорирование отсутствия патентов у привезённых посредником рабочих. Респонденты отмечают, что «ренту» с труда мигрантов взимают также негосударственные силовые структуры, предоставляющие в распоряжение посредников свой ресурс для оказания давления на заказчиков и рабочих. Посредники могут использовать знакомства с негосударственными силовыми операторами для запугивания мигрантов и взыскания дополнительной «ренты», подчинения тех, кто нарушает первоначальные договорённости.

В некоторых случаях дополнительным инструментом давления на мигрантов становятся угрозы их семьям, оставшимся в стране исхода. В этом помогает интегрированность посредника в горизонтальные сети в стране-доноре, что позволяет ему без проблем получать информацию о месте проживания близких мигрантов, которые с ним сотрудничают:

Своих они бьют просто и угрожают их семьям там... Просто вымогательство денег. Это обычный бизнес. Если действительно какое-то кидалово идёт, то они влазят в эти разборки (респондент 4).

О силовом давлении на работающих в России мигрантов в интервью упоминалось нередко. Судя по всему, чаще в поле зрения неформальных силовых операторов попадают «мигрантские» бизнесы, достигшие определённого оборота. Один респондент упоминал, что в группы, занимающиеся сбором «ренты» с мигрантских бизнесов, могут входить представители государственных силовых структур как России, так и страны исхода. Действующие в России представители силовых структур страны исхода взимают ренту с предпринимателей — земляков — и обеспечивают их лояльность, угрожая их семьям, оставшимся дома. Афилированность с местным «городским режимом» делает посредника практически неуязвимым для пострадавших мигрантов.

В некоторых случаях силовой ресурс используется в спорах с заказчиками. Один из респондентов описывал ситуацию, когда заказчик предъявил претензии бригаде таджикских рабочих — его не устроило качество работ. Он отказывался платить, и старший рабочий обратился к посреднику, который привлёк влиятельного земляка:

Приехал Б. с бандитами. Давай жучить заказчика, начали угрожать, глушилки для телефона привезли. Ну что он против них сделает? (респондент 6)

Силовая поддержка может оказаться бесценной, учитывая то, что деятельность многих посредников часто находится вне поля зрения государства. Гипотетически это невнимание может быть искусственным, так как на уровне конкретных исполнителей о посредниках знают. Невнимание может быть выгодно всем участникам неформальной экономики, построенной на эксплуатации рабочих-мигрантов. Посредникам оно оставляет возможность работать в «серой зоне», игнорируя или обращая в свою пользу формализованные алгоритмы; бюрократам и силовым структурам на местах — получать «ренту» с их деятельности. Некоторые респонденты отмечали, что в последнее время ситуация, судя по

всему, стала меняться, и посредникам пришлось формализовывать свой статус и регистрироваться как индивидуальный предприниматель (ИП). Мигранты трудоустраиваются у такого ИП, при этом осуществляют работы на разных субподрядах.

В интервью респонденты делили посредников на две категории в зависимости от качества оказываемых ими услуг. В первую категорию вошли те, кто пытался честно обрабатывать полученные от мигрантов деньги, устраивая их на работу и решая проблемы с законом. Во вторую — те, кто брал деньги, не оказывая взамен никаких услуг. Неопытные мигранты, приезжающие в Россию самостоятельно, могут попасть в поле зрения недобросовестных соотечественников:

Вот они возле УФМС. Как этот передаточный механизм работает? Он подходит туда, не понимает, куда ему ткнуться, и начинает с одним, с другим разговаривать — как зайти и как попасть. По-русски зайти и спросить не может (респондент 5).

К дезориентированному мигранту подходит посредник, начинает говорить с ним на его родном языке, предлагает помощь в оформлении патента, временной регистрации, поиске жилья, запрашивает деньги за услугу, которую можно получить бесплатно. Доверяя земляку, мигрант отдаёт ему деньги. Отчасти этому способствует правовая культура страны исхода, которую посредник знает и эксплуатирует:

У них же в Таджикистане, как я понимаю, с их слов, большая коррупционная составляющая. Соответственно они приезжают и переносят это сюда. Думают, что здесь можно сделать аналогично. И куча посредников из их же среды. Где-то он может помочь, есть связь в УФМС. Может взять 10 тысяч, пять забрать себе и пять там <...> Есть просто кидалово обычное — им печати левые ставят. Типа разрешение на временное проживание. Он сделал себе, жене, ещё знакомым. Внятером пошли, по 30 (Тысяч. — Примеч. авт.) заплатили (респондент 5).

Незнание русского языка, сложное местное законодательство, а также отсутствие знакомств в России формируют спрос на посреднические услуги среди мигрантов. Без посредника многие не имеют возможности отправиться на заработки в принципе, у них нет ресурсов, знаний и времени, чтобы их получить. Гипотетически особо популярными услуги посредников оказываются среди жителей сельских территорий стран СНГ, так как они с меньшей вероятностью будут знать русский язык и ориентироваться в большом городе. Посредник даёт возможность таким людям съездить на заработки в Россию, взимая за это «ренту», а также за повышение вероятности, что мигрант получит в РФ то, что искал.

Способствуя одним — структурным — аспектам интеграции, посредники препятствуют другим. Так, посредничество мешает культурной интеграции, устраняя необходимость взаимодействовать с местным населением, изучать местный язык и культуру. В то же время мигрант, ориентированный на то, чтобы оставаться в России, использует услуги посредника для того, чтобы облегчить себе стартовые условия для интеграции в местную экономику. В некоторых случаях теневой рынок труда является лишь стартом карьеры, способом накопить на легализацию, за которой может последовать и культурная интеграция.

Способствует ли посредник структурной интеграции мигрантов или нет, во многом зависит от личных намерений и применения социального капитала. Нельзя исключить, что недобросовестные посредники будут использовать его для того, чтобы буквально обращать земляков в рабство, так как хорошие связи с представителями местного «городского режима» делают его практически неуязвимым для тех, кого он эксплуатирует. Другие же используют социальный капитал, обеспечивая мигрантов необходимым и выполняя договорённости, что делает их пребывание в России более сносным.

При этом гипотетически вне зависимости от всех вышеперечисленных факторов деятельность неформальных посредников способствует воспроизводству трансграничных миграционных потоков, изначально ориентированных на теневой рынок труда и на *3d*-вакансии. Эти потоки состоят из людей, не знающих русский язык и не имеющих опыта проживания в больших городах. Собственно, работа посредника может рассматриваться в некотором смысле как вершина карьерной траектории трудового мигранта, ориентированного на тяжёлую физическую работу.

В случае, если посредник является добросовестным по отношению к рабочим, это оказывается выгодным всем игрокам на локальном строительном рынке. Работодатели-застройщики получают дефицитную дешёвую рабочую силу, регион — новые здания, «городские политические режимы» — «ренту», мигрант — возможность заработать, не тратя чрезмерно много времени и сил на формальные процедуры. Представляется, что именно тот факт, что фигура неформального посредника устраивает всех участников строительного рынка (кроме в некоторых случаях самих мигрантов), способствует необыкновенной живучести этого бизнеса. Также можно предположить, что ещё одним фактором, способствующим популярности посреднических услуг, является чрезмерная усложнённость миграционного законодательства принимающей страны. Это очень затрудняет понимание прав и обязанностей даже приезжим с хорошим образованием и знанием русского языка, не говоря уже о группе мигрантов, в которой в наибольшей степени заинтересована российская экономика — *3d*-рабочих.

Неформальность как инструмент государственной миграционной политики: посредники из Северной Кореи на строительном рынке Сибири

Трудовую миграцию из Северной Кореи в СССР и Россию можно разделить на три этапа. Первый относят к середине 1940-х — началу 1950-х гг., когда появились первые упоминания о поездках корейских рабочих на Сахалин [Ващук 2012]. Советский Дальний Восток нуждался в рабочих руках, рабочие из Кореи — в стабильном заработке, пусть и ценой весьма тяжёлых условий. Для рабочего из Северной Кореи советские зарплаты представлялись весьма значительными [Ланьков 2020]. Вторым этапом начался в 1967 г. и продолжался до распада СССР. По мнению Л. Забровской [Забровская 2008], на этом этапе миграция преимущественно носила политический характер, не являясь экономически целесообразной.

Сегодня трудовая миграция из Северной Кореи в Россию обрела упорядоченный характер, причём на первое место вышли именно экономические, а не политические интересы стран [Забровская 2008]. Как полагают респонденты, условной отправной точкой привлечения северных корейцев на стройки в сибирские города можно считать 2006–2007 гг. Потребность в трудовых ресурсах и дешевизна рабочих рук из Северной Кореи привели к массовому привлечению выходцев из КНДР на сибирские стройки.

В силу специфики политического строя Северной Кореи рабочие-мигранты, приезжающие в Россию из этой страны, находятся в иных стартовых условиях в отличие от рабочих из Центральной Азии. Прежде всего, отличие заключается в том, что миграцию из Северной Кореи контролируют аффилированные с государством организации, которые, по словам респондентов, занимаются продажей за границу полурабского труда своих соотечественников ради пополнения государственного бюджета дефицитной валютой. Мигранты из КНДР, прибыв в Россию, оказываются в несколько худшем положении, нежели мигранты из Центральной Азии. Несмотря на это, желающих отправиться на работу в Россию было немало вплоть до событий февраля 2022 г.

Посредники, аффилированные с государством, буквально формируют миграционный поток из Кореи в Россию. Несмотря на связь с государством, они тем не менее осуществляют свою деятельность в РФ в «серой зоне». Шансы попасть в Россию зависят от ряда критериев, ключевым из которых оказывалась лояльность государству:

Очень тяжело сюда прорваться. У них самбур — это что-то вроде неофициального паспорта. Рейтинг лояльности государству. Если у тебя плохой самбур, тебя никто не выпустит, поэтому они едут с хорошим самбуrom (респондент 7).

Поехать на заработки могут мужчины в возрасте от 28 лет. Они должны непременно иметь семью и отслужить в армии. Соответствия этим критериям недостаточно: вокруг организаций-посредников существует развитая система полулегальных поборов, которые, в конечном счёте, определяют, кто из кандидатов окажется достойным. Государственная фирма имеет также представительства во многих крупных российских городах, где ищет работу для своих земляков. Респонденты отмечали, что в Сибири сегодня существует около десятка таких фирм, они выступают в большинстве случаев как субподрядчики, сотрудничая с подрядчиками, имеющими дело как с частными, так и с государственными заказчиками. Официально организации оформлены на гражданина России. Ими могут владеть так называемые обрусевшие корейцы, приехавшие в нашу страну ещё в советское время. Тем не менее значительная часть доходов при этом оседает в бюджете КНДР.

Востребованным инструментом легализации корейских рабочих становятся сибирские вузы. Набрав желающих отправиться на заработки в Россию, фирма-посредник договаривается с российским учебным заведением, готовым принять будущих рабочих и при этом не предъявлять им практически никаких требований. По словам респондентов, некоторые подобные образовательные учреждения изначально создаются под поток северокорейских рабочих. Находясь в России в статусе учащихся, мигранты из Северной Кореи устраиваются работать в фирму-посредник. По словам респондентов, к созданию таких схем посредники пришли относительно недавно, лет 10 назад, из-за постоянного роста налогов на иностранную рабочую силу:

У них есть институт, и они все сюда едут как будто бы студенты, потому что есть налог на рабочую силу в России, поэтому они придумали вот такую схему. Почему они и работают по четыре-пять лет на вахте, а на фирму — как на подработке <...> Скорее всего, фирма какие-то налоги государству выплачивает, поэтому оно не трогает эту систему — что институт, что саму фирму (респондент 7).

Подобные организации, обеспечивающие постоянный приток северокорейских студентов и подработку для них, существуют во многих крупных городах Сибири. Недостатка в объектах у организации нет: её представители интегрированы в горизонтальные сети, выстроенные вокруг строительной индустрии, оперативно собирают информацию об имеющейся работе и распространяют рекламу собственных услуг.

Выгода от сотрудничества с северокорейскими посредническими организациями для российской стороны заключается в том, что взамен осуществления схемы с завозом рабочих в Россию под видом студентов корейские организации обязуются предоставлять людей на заведомо невыгодных для них условиях на муниципальные или государственные объекты. При этом такие работы не пользуются у самих мигрантов популярностью, и организации отправляют на подобные объекты тех, кому надо отработать «налог» корейскому государству за то, что оно отпустило их на заработки:

Кореец если сам не находит работу, то фирма навяжет ему «заказ государственный», но там придётся как пчела работать. На «госзаказе» денег обычно нету, сроки сильно сжаты, местами нереально (Что-либо заработать. — Примеч. авт.). Один раз строили <...> с нуля <...> здание, и нам поставили срок — год. Нас наняли как субподрядчиков. Им надо минимум 70 тысяч. Где ты 70 тысяч в месяц возьмёшь с «госзаказа»? Корейцы эти субподряды не очень любят брать, их по факту чуть ли не заставляют. В основном берут те, кому надо отработать налог, и его туда чуть ли не в рабство засылают (респондент 7).

В течение полугода после того, как мигрант попадает в Россию, он должен отработать на «государственном заказе» за очень скромное вознаграждение или вовсе бесплатно. Речь идёт об объектах, которые фирма-посредник обязуется возводить по соглашению с местными «городскими режимами» в обмен на лояльность. Респонденты упоминали о случае, когда таким образом возводилось здание, в котором потом расположился офис одного из органов государственной власти. Мигранты неохотно обращаются за помощью в трудоустройстве к фирме:

Если они (Рабочие. — Примеч. авт.) «налог» не платят, но им нужно его заплатить, чтобы здесь (В России. — Примеч. авт.) остаться, то рабочий обращается в фирму, и по факту становятся рабом (респондент 8).

На «госзаказы», которые также представляют собой нечто вроде «барщины», попадали провинившиеся мигранты (например, некачественно выполнявшие работу). Если фирма считает труд какого-то конкретного мигранта нерентабельным, его отправляют на государственные объекты, где он трудится, фактически бесплатно. Недостатка в таких рабочих никогда нет, что в равной степени может говорить как о низкой квалификации, так и о полной зависимости мигрантов от фирмы-посредника. В некоторых случаях организация может выходить на субподряды на государственные объекты, однако делает это лишь, когда рабочие простаивают. Так или иначе фирма всегда имеет информацию о проводимых строительных тендерах, после которых она может предложить свои услуги выигравшему его подрядчику. В случае если у бригады нет частных заказов, она также оказывается вынуждена идти на «государственный заказ», так как необходимость платить ежемесячный «налог» за право оставаться в России никуда не исчезает.

Это открывает бюрократии принимающей страны безграничные возможности для получения неформальной «ренты», что определяет заинтересованность российских государственных заказчиков и подрядчиков в постоянном сотрудничестве с посреднической фирмой из КНДР. Помимо дешевизны, местным «городским режимам» выгодна и скорость северокорейских рабочих, чей рабочий день длиннее, и они вынуждены работать годами без выходных. Полностью завися от фирмы, рабочий не может пойти с ней на конфликт, а это означает в том числе и то, что его легко можно заставить переделывать работу в случае, если заказчик оказался недоволен. Давление фирмы, требующей еженедельной уплаты части от ежемесячного «налога», желание быстрее расправиться с «государственным заказом» вынуждает рабочих заканчивать подряды как можно быстрее.

Завершив работы на «государственном заказе», мигрант получает несколько больше свободы в выборе объектов. После выполнения обязательств перед местной властью фирме не принципиально, где работает привезённый ею мигрант; важно, чтобы он регулярно платил. На этом этапе рабочий начинает взаимодействовать с «капитаном» — посредником, подыскивающим ему частные заказы.

«Капитан» — это старший рабочий, бригадир, знающий русский язык, не только обладающий миграционным опытом и знаниями российских реалий, но и имеющий строительное, а иногда и инженерное образование. Его зарплата и уровень компетенций выше, чем у рядовых рабочих. Это необходимо для контроля над качеством выполнения разнообразных строительных работ, а также для обучения мигрантов, многие из которых прибывают в Россию, не обладая необходимой квалификацией. Северокорейский бригадир-посредник, как и мигранты, едет в Россию на заработки студентом и по истечении трудового договора уезжает обратно в КНДР. Он не имеет двойного гражданства в отличие от посредников из Центральной Азии и не может остаться в России по истечении срока «обучения». Как и обычные трудовые мигранты, «капитаны» работают в России вахтами, по три-пять лет. По истечении договора они уезжают без возможности вернуться:

Я помню одного «капитана», с которым мы работали. Он закончил свой контракт и уехал. И он новому «капитану», который сюда приехал, отдаёт всё — наработки имён, людей, контакты... Все отдаёт. Машину ему тоже отдаёт (респондент 9).

Для «капитана» карьера в теневом сегменте экономики, открытая для посредников из Центральной Азии, невозможна, так как он не может оставаться в России сколько пожелает и, возвращаясь в Корею, должен передать своему преемнику все наработанные контакты. У «капитана» нет возможности обзавестись контактами с местными «городскими режимами». Во-первых, у него нет достаточно времени для постепенного наработывания социального капитала, как есть у посредников из Центральной Азии. Во-вторых, взаимодействие с государством берёт на себя аффилированная с корейским правительством фирма. Работа «капитана» заключается в поиске мелких объектов у частных лиц на тот случай, если российские «локальные политические режимы» не будут предоставлять больших заказов — например, крупных муниципальных контрактов, которые и есть предположительно главная причина заезда корейских мигрантов в Россию.

Если корейская фирма является посредником между корейским государством и российскими чиновниками, а также крупными заказчиками, то «капитаны» играют роль посредников между фирмой, мигрантами и рядовыми представителями принимающего сообщества. «Капитан» регулярно мониторит рынок частного строительства, старается заводить и поддерживать множество неформальных контактов с потенциальными работодателями. Он обговаривает с заказчиком условия, сроки, качество работ, несёт ответственность за действия бригады перед фирмой и заказчиком, распределяет заработную плату, отвозит налоги, собранные с зарплаты рабочих, в офис фирмы. Заказчики выходят на бригадира и предлагают объекты либо через «сарафанное радио», либо по объявлениям:

Видел, висят объявления — «корейцы»? Это не номер рабочего, это номер капитана (респондент 5).

Обычно в ведении «капитана» четыре-пять объектов. Судя по всему, на частные заказы он может самостоятельно выбирать исполнителей из числа привезённых фирмой рабочих, за исключением тех, кто работает на «государственном заказе». На объекте «капитан» контролирует качество работ, за которое отвечает перед заказчиком. В то же время он гарантирует не говорящим по-русски рабочим выполнение заказчиком своих обязательств. Если ситуация того требует и бригада не успевает сдать объект в срок, «капитан» вполне может работать руками наравне с остальными. «Капитан» также зависим от фирмы, однако имеет некоторую свободу во взимании с рабочих платы за свои услуги. Определённый процент от частных заказов «капитан» оставляет себе. Возможность обмануть рабочих или работодателя практически исключена, поскольку фирма контролирует большинство финансовых потоков.

Средний ежемесячный доход северокорейского мигранта, работающего на частных строительных заказах от «капитана» в Сибири, варьируется в пределах 80–100 тыс. рублей. При этом работники отдают «налогами» фирме около 60%. В Северную Корею мигрант высылает более половины остатка родственникам, на остальные средства обеспечивает себя:

Во-первых, надо платить «налог» государству обязательно, а иначе его сюда не выпустят, плюс надо платить фирме, через которую они работают. Корейцу надо тысяч 80 для более-менее спокойного существования здесь. Они как пчёлы работают по 12–14 часов, работают шесть-семь дней в неделю (респондент 7).

«Дань», которую рабочий вынужден отчислять в бюджет Северной Кореи, «барщина» на государственных объектах, а также необходимость помогать семье, вынуждают рабочих экономить на всём. Неко-

торые не могут купить себе даже зимнюю одежду. Северокорейские мигранты для экономии средств часто живут на объектах, едят самую примитивную и дешёвую еду.

Респонденты упоминали о наличии ещё одного типа «капитанов», которые по функциям напоминают армейских политруков. Они отвечают за политическую лояльность «личного состава» бригад, дисциплину. Такие «капитаны» непременно сопровождают бригады северокорейских рабочих в России, следя за их контактами с местными, пресекая критические высказывания в адрес трудовой партии Кореи и правительства. В отличие от «капитана»-бригадира, «капитан-политрук» не принимает участия во взаимодействии с заказчиками, не работает руками и ограничивается лишь политической цензурой. По словам респондентов, бригада видит своего «капитана-политрука» раз в неделю, на собраниях по «политпросвету». В ходе этих собраний обсуждаются поведение и высказывания рабочих, оценивается их корректность с точки зрения основных догматов Трудовой партии Кореи. Судя по всему, мигранты постоянно принимают в расчёт присутствие «капитана-политрука»:

С ними очень тяжело разговаривать. Они фильтруют разговор. У них, видимо, вбито в голову, что есть КГБ, и оно за тобой следит (респондент 8).

Влияние посредников из Северной Кореи на миграционные потоки весьма значительно. Можно сказать, что посредники-фирмы создают такие потоки. Следуя договорённостям между государствами, посредники-«капитаны» отвечают за связи между мигрантами и принимающим сообществом на микроуровне. Статус организаций-посредников определить очень трудно, так как механизм их взаимодействия с российским государством весьма непрозрачен, и мы ничего не знаем о нём, кроме того, что существуют договорённости с корейскими фирмами-посредниками поставлять в принудительном порядке рабочих на те или иные государственные или муниципальные объекты. Учитывая высказывания респондентов о том, что рабочие на этих объектах находятся в полукрепостном положении, можно предположить, что деятельность северокорейских фирм-посредников и сотрудничающих с ними российских «городских политических режимов» находится за рамками правового поля, и это позволяет применять по отношению к практикам взаимодействия, по сути, двух государств термин «неформальные».

Заключение

Необходимо оговориться, что мы ни в коем случае не претендуем на обобщения, выходящие за рамки рассмотренных городов и локальных сообществ, к которым принадлежат респонденты. Небольшое количество интервью накладывает методологические ограничения, позволяя лишь строить гипотезы, которые могут задать направление дальнейших исследований причин включения трансграничных мигрантов в российскую теневую экономику.

Мы вполне допускаем, что в других российских городах действуют иные механизмы выстраивания отношений между влиятельными группами, посредниками и трансграничными мигрантами на строительном рынке. Более того, ситуация может отличаться даже в пределах Иркутска и Красноярска, в иных отраслях строительного бизнеса, предполагающих более тщательное выполнение формализованных алгоритмов. Так, один из респондентов, посредник, упоминал, что он пытался «заходить» на объекты городской энергетической инфраструктуры. В конце концов он отказался от этой идеи из-за более жёсткого контроля за соблюдением формальных правил организации работ в этом сегменте, что существенно затрудняло рабочий процесс и повышало связанные издержки. В то же время наши респонденты обладали большим опытом организации строительных работ на разном уровне — от мелкого текущего ремонта до возведения крупных муниципальных объектов, что предполагает не только многочисленные контакты с мигрантами, посредниками и «городскими режимами», но и знание обстановки в регионе в целом.

Интервью, которые нам удалось получить, позволяют предположить, что неформальные посредники влияют на миграционные потоки на каждом ключевом этапе — при принятии решения об эмиграции в стране исхода, при пересечении границы, легализации, поиске работы. И корейские, и центрально-азиатские посредники находят земляков, желающих отправиться на работу в Россию, в стране исхода. После чего они способствуют обходу формализованного алгоритма включения мигранта в экономику российского города, позволяя сгладить недостатки и частично устранить сложности этого алгоритма. В дальнейшем они заменяют собой несуществующие или неэффективные механизмы, способствующие интеграции мигрантов в России, осуществляя взаимодействие между ними и принимающим обществом.

Главным ресурсом бизнеса, который, собственно, позволяет посредникам получать прибыль, становится социальный капитал, особенно неформальные контакты с чиновниками, предпринимателями, государственными и частными силовыми операторами. Связи с местным «городским политическим режимом» позволяют продавать землякам преференции и льготы при легализации в России. Представляется, что всё это происходит ко взаимной выгоде посредников и части принимающего сообщества.

Занятость мигрантов в теневом сегменте приносит прибыль, которую посредники делят с российскими бюрократами и силовиками и в случае с северокаорейскими посредниками с государственным бюджетом страны-донора. Отчасти выгоду могут получить и обычные представители принимающего сообщества, имеющие возможность нанять бригаду северокаорейских рабочих за сравнительно небольшие деньги. Мигрантам в этой схеме достаётся малая часть дохода, что не сказывается на их желании сотрудничать с посредниками, которые для многих являются единственной альтернативой: без участия неформальных посредников затраты на легализацию и интеграцию в российскую экономику для многих мигрантов могут оказаться неподъёмными. Основными же бенефициарами привлечения мигрантов в теневой сегмент рынка труда становятся именно «городские режимы», получающие возможность продавать административные и силовые услуги, столь необходимые посредникам и их подопечным мигрантам.

Сравнивая деятельность посредников из Центральной Азии и из Северной Кореи в сибирской строительной индустрии, можно увидеть, несмотря на огромную разницу в стартовых условиях, одно немаловажное сходство. В обоих случаях акторы действуют за пределами правового поля, даже если — как это происходит в случае с корейскими трудовыми мигрантами — их прибытие и работа в России согласовываются и регулируются на государственном уровне. Тот факт, что северокаорейские рабочие участвуют в строительстве зданий для госучреждений, будучи на положении полурабов, говорит о том, что очень часто никто из ключевых участников индустрии не заинтересован в соблюдении формальных процедур трудоустройства иностранных рабочих, предусмотренных в принимающей стране.

Посредники и посреднические организации эксплуатируют интерес местных «городских режимов» во взимании «ренты» с теневого мигрантозависимого рынка труда и фактически создают миграционные потоки под потребности неформальных конгломератов российских силовиков, бюрократов и крупных застройщиков. Эти потоки состоят из людей, очень мало знающих о том, как устроена жизнь в российских городах, и ориентированных на занятость на *3d*-работах в «серой зоне» строительной индустрии.

Неформальные посредники облегчают структурные аспекты интеграции мигрантов [Heskmann 2003; Esser 2004;], их включение в городскую экономику в обход формализованных алгоритмов. При этом они совершенно не уделяют внимания и даже препятствуют (особенно в случае с посредниками из Северной Кореи) иным аспектам (в частности, культурной интеграции), делая их попросту ненужными. В то же время в культурной интеграции могут быть не заинтересованы сами мигранты, единственная цель которых — за несколько лет пребывания в России заработать деньги и вернуться домой. Культур-

ная интеграция, то есть изучение языка и взаимодействие с принимающим сообществом, для них может быть лишь обременительным дополнением к и без того высокой стоимости легализации в стране.

Неопределённость, порождаемая сложностью миграционного законодательства и правовым плюрализмом, обеспечивает, с одной стороны, постоянный спрос на обладающих обширным социальным капиталом посредников, а с другой стороны, делает пребывание в России мигрантов максимально выгодным для представителей «городских политических режимов». Востребованность услуг неформальных посредников, таким образом, может объясняться тем, что и мигранты, и принимающее сообщество оказываются не заинтересованы в соблюдении формализованных алгоритмов включения приезжих в местную экономику и общество. Гораздо дешевле и проще оказывается перевести взаимодействие в «серую зону», используя посредника как практику, позволяющую одним оставаться в тени, а другим не входить в неё уж слишком очевидно.

Приложение

Таблица П.1

Участники исследования

Респонденты	Данные о респондентах
Респондент 1	Мужчина, около 50 лет. Владелец предприятия по производству строительных материалов, сотрудничает с трудовыми мигрантами из Узбекистана, неформальными посредниками
Респондент 2	Мужчина, около 50 лет. Посредник, Узбекистан.
Респондент 3	Мужчина, около 35 лет. Водитель такси в зимнее время, летом осуществляет строительные работы в составе бригады рабочих. Таджикистан.
Респондент 4	Мужчина, около 60 лет. Представитель строительного бизнеса, в прошлом сам выступал в качестве посредника.
Респондент 5	Мужчина, около 50 лет. Прораб в крупной строительной фирме.
Респондент 6	Мужчина, около 50 лет. Частный предприниматель, в прошлом регулярно нанимал трудовых мигрантов из Центральной Азии.
Респондент 7	Мужчина, около 40 лет. Бригадир в строительной фирме, долгое время работал с мигрантами из КНДР.
Респондент 8	Мужчина, около 40 лет. Рабочий в строительной фирме, нанимающей мигрантов из КНДР.
Респондент 9	Мужчина, около 50 лет. Представитель строительного бизнеса.
Респондент 10	Мужчина, около 40 лет. Посредник на рынке мелкого и текущего ремонта зданий, регулярно работает с мигрантами из Центральной Азии.
Респондент 11	Мужчина, около 30 лет. Частный предприниматель, выходец из Таджикистана.
Респондент 12	Мужчина, около 35 лет. Бывший предприниматель, выходец из Таджикистана.
Респондент 13	Мужчина, около 40 лет. Бригадир в строительной бригаде.

Литература

- Аносов А. В. 2009. Миграция и использование китайской рабочей силы на Дальнем Востоке: проблемы и пути их разрешения. *Экономика и управление*. 48 (10): 15–22.
- Барсукова С. Ю. 2000. Неформальная экономика. Причины развития в зеркале мирового опыта. *Экономическая социология*. 1 (1): 13–24. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2000-1-1/26592737.html>
- Бредникова О., Паченков О. 2002. Этничность «Этнической экономики» и социальные сети мигрантов. *Экономическая социология*. 3 (2): 74–82. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-2/26594948.html>
- Ващук А. С. 2012. Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX — начале XXI века. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. История и археология*. 1: 76–81.
- Ворона М., Карпова Г. 2013. Право на инклюзию: анализ проблем трудовой миграции на региональном уровне. *Журнал исследований социальной политики*. 11 (2): 171–178.
- Гладарев Б. С., Цинман Ж. М. 2010. Милиционеры и гастарбайтеры: уличные практики перераспределения ресурсов. *Социологический журнал*. 1: 37–62.
- Гребенщикова Т. 2007. Трудовые мигранты из Средней Азии в строительном секторе Иркутска: роль института посредничества. В сб.: Дятлов В. И. et al. (отв. ред.). *Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством*. М.; Иркутск: Наталис; 107–119.
- Григоричев К. В. 2020. «Неправильные китайцы» и захваченный город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с «другим». *Журнал исследований социальной политики*. 18 (4): 593–608.
- Григоричев К. В. et al. 2019. *Базар и город: люди, пространства, образы*. Иркутск: Оттиск.
- Деминцева Е. Б. 2020. Дети мигрантов в школах Томска и Иркутска: проблемы адаптации и меры включения в школьное пространство. *Журнал исследований социальной политики*. 18 (4): 673–688.
- Деминцева Е. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. 2018. *Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения*. М.: Центр стратегических разработок, URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665>
- Дмитриев А., Пядухов Г. 2010. Региональный социум: диаспоры и посредники в трудовой миграции. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 3 (15): 66–74.
- Забровская Л. В. 2008. КНДР — Россия — РК: обмен трудовыми ресурсами. *Demoskope Weekly*. 333–334. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php>
- Зокиров Р. С. 2009. Проблема защиты прав трудовых мигрантов. *Вестник ТГУПБП. Серия общественных наук*. 40 (4): 22–27.
- Ланьков А. Н. 2020. Северокорейские рабочие в России: критерии отбора и мотивации работников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 13 (2): 206–224.

- Ларин А. Г. 2009. *Китайские мигранты на постсоветском пространстве. История и современность*. М.: Восточная книга.
- Ледяев В. 2008. Городские политические режимы. Теория и опыт эмпирического исследования. *Россия и современный мир*. 4: 129–143.
- Миграция населения Иркутской области по видам миграции. 2022. *Иркутскстат*. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>
- Мукомель В. И. 2017. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда. *Статистика и экономика*. 14 (6): 69–79.
- Неделько С. И., Пядухов Г. А., Живодрова С. А. 2015. Миграционные квоты и посредники: технологии теневых практик. *Власть*. 21 (10): 92–95. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2876>
- Олимова С., Боск И. 2003. *Трудовая миграция из Таджикистана*. Душанбе: Представительство Международной организации по миграции. URL: http://www.iom.tj/pubs/Labour_Migration_Rus.pdf
- Пешкова В. М. 2018. Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России. На примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области. *Экономическая социология*. (19) 5: 11–40. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-11-40
- Попов А. Д. 2003. Иностранная рабочая сила в экономике России. *Международная научно-практическая конференция «Миграция населения и перспективы демографического развития России». 22 ноября 2002 г. Доклады и тезисы докладов*. М.: ГУ ИМЭИ: 145–148; см. также: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0107/analit02.php>
- Рязанцев С. В. 2016. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2 (22): 16–28. doi: 10.12737/18147
- Рязанцев С. В. 2018. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 26 (4): 718–729. doi: 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729
- Attas D. 2000. The Case of Guest Workers: Exploitation, Citizenship and Economic Rights. *Res Publica*. 6: 73–92.
- Boyd M., Nowak J. 2012. Social Networks and International Migration. In: Rath J., Martiniello M. (eds) *International Migration and Immigrant Incorporation: The Dynamics of Globalization and Ethnic Diversity in European Life*. Amsterdam: University of Amsterdam Press; IMISCOE; 77–103. URL: https://boydmon.artsci.utoronto.ca/wp-content/uploads/2020/11/2012_Boyd_Nowak-in-Rath_Martiniello_ed_Social_Networks.pdf
- Broek D. van den, Harvey W. S., Groutsis D. 2016. Commercial Migration Intermediaries and the Segmentation of Skilled Migrant Employment. *Work Employment & Society*. 30 (3): 523–534. URL: https://www.researchgate.net/publication/279008086_Commercial_Migration_Intermediaries_and_the_segmentation_of_skilled_migrant_employment

- Buckley M. et al. 2016. *Migrant Work and Employment in the Construction Sector*. Geneva: International Labour Office. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_538487.pdf
- Enright B. 2013. (Re)Considering New Agents: A Review of Labour Market Intermediaries within Labour Geography. *Geography Compass*. 7 (4): 287–299.
- Esser H. 2004. Does the ‘New’ Immigration Require a ‘New’ Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. 38 (3. Fall): 1126–1159. URL: <https://www.jstor.org/stable/i27645416>
- Heckmann F. 2003. *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*. Stuttgart: Lucius & Lucius. URL: <https://books.google.ru/books?id=-ZFsDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
- Pomfret R. 2003. *Central Asia Since 1991: The Experience of the New Independent States*. Working Paper. 212, Paris: OECD Publishing.
- Salami B. et al. 2022. Formal and Informal Support Networks as Sources of Resilience and Sources of Oppression for Temporary Foreign Workers in Canada. *Migration Studies*. 11 (2): 52–74. doi: [10.1093/migration/mnac038](https://doi.org/10.1093/migration/mnac038)
- Spaan E., Naerssen T. 2017. Migration Decision-Making and Migration Industry in the Indonesia–Malaysia Corridor. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 44 (4): 680–695.
- Urinboyev R. 2021. *Migration and Hybrid Political Regimes. Navigating the Legal Landscape in Russia*. Oakland: University of California Press.

BEYOND BORDERS

Dmitry Timoshkin, Andrey Voloshin

How Informal Intermediaries Influence the Inclusion of Cross-Border Migrants in the Shadow Labor Market

(The Case of the Construction Industry in Irkutsk and Krasnoyarsk)

TIMOSHKIN, Dmitry—

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Applied and Political Demography, ISU, Irkutsk; Associate Professor, Department of Culturology and Art History, GI SibFU, Krasnoyarsk. Address: 11 Karl Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation.

Email: dmtrim@gmail.com

VOLOSHIN, Andrey

Alexandrovich—Junior Researcher, Laboratory of Applied and Political Demography, Irkutsk State University. Address: 11 Karl Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation.

Email: voloha94@yandex.ru

Abstract

This article examines non-formal intermediaries providing migrant workers from North Korea and Central Asia with jobs in the construction sector of Siberia. It delves into the interactions between these intermediaries and cross-border migrant workers, Russian authorities, and entrepreneurs. Furthermore, it discusses their role in migration flows and the integration of migrants into the shadow labor market of Siberian cities. Based on 13 semi-structured interviews with non-formal intermediaries and representatives from the construction industry, we have highlighted the social characteristics of these intermediaries, their position within the horizontal networks used for servicing, employing, and exploiting migrant labor. It has been established that non-formal intermediaries support the development of cross-border migration flows of migrants employed in the shadow segment of the labor market. Upon their arrival in Russia, these migrants often take on “3d” jobs (dirty, dangerous and difficult), and their well-being and security depend significantly on the social capital of the intermediary who brought them to the country. These intermediaries exchange the social capital they have acquired over years of staying in Russia, especially their contacts with local officials and security forces, for a portion of the income earned by a labor migrant. In return, they facilitate interaction between migrants and the Russian state and business. The demand for non-formal intermediaries can be easily explained by the fact that many migrants from rural areas of Central Asia have limited knowledge of the Russian language and lack familiarity

with the realities of life in large cities. While they are interested in working in Russia, they often lack the information and resources that an intermediary can provide in exchange for a portion of their future income. Another factor is the complexity of Russian migration legislation, which significantly increases the costs associated with integration. Intermediaries have connections within Russian state institutions, enabling them to reduce these costs for migrants, but again, in exchange for a portion of the migrant's earnings. Meanwhile, attracting migrants to the shadow segment of the labor market turns out to be beneficial for local “municipal political regimes” and provides them with various ways to collect fees for specific administrative or law enforcement services. Therefore, the complexity of legislation and the informal employment of migrants benefit all participants in the construction sector. Intermediaries and “municipal regimes” have the opportunity to earn income from this arrangement, while migrants have the chance to reduce the costs of legality, the cost of integration, and the overall level of uncertainty in the host country.

Keywords: intermediary; migrant worker; Central Asia; horizontal networks; DPRK; structural integration.

Acknowledgements

The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation (project No. 2-78-10075, <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>).

References

- Anosov A. V. (2009) Migratsiya i ispol'zovanie kitayskoy rabochey sily na Dal'nem Vostoke: problemy i puti ikh razresheniya [Migration and the Use of Chinese Labor in the Far East: Problems and Ways to Resolve Them]. *Economics and Management = Ekonomika i upravlenie*, vol. 48, no 10, pp. 15–22 (in Russian).
- Attas D. (2000) The Case of Guest Workers: Exploitation, Citizenship and Economic Rights. *Res Publica*, no 6, pp. 73–92.
- Barsukova S. Yu. (2000) Neformal'naya ekonomika. Prichiny razvitiya v zerkale mirovogo opyta [Informal Economy. Reasons for Development in the Mirror of World Experience]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 1, no 1, pp. 13–24. Available at: https://www.hse.ru/data/2011/12/08/1208204945/ecsoc_t1_n1.pdf (accessed 17 November 2022) (in Russian).
- Brednikova O., Pachenkov O. (2002) Ehtnichnost' "Ehtnicheskoj ekonomiki" i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of "Ethnic Economy" and Social Networks of Migrants]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 2, pp. 74–82. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-2/26594948.html> (accessed 17 November 2022) (in Russian)..
- Boyd M., Nowak J. (2012) Social Networks and International Migration. *International Migration and Immigrant Incorporation: The Dynamics of Globalization and Ethnic Diversity in European Life* (eds. J. Rath, M. Martiniello), Amsterdam: University of Amsterdam Press; IMISCOE, pp. 77–103. Available at: https://boydmon.artsci.utoronto.ca/wp-content/uploads/2020/11/2012_Boyd_Nowak-in-Rath_Martiniello_ed_Social_Networks.pdf (accessed 17 November 2022).
- Broek D. van den, Harvey W. S., Groutsis D. (2016) Commercial Migration Intermediaries and the Segmentation of Skilled Migrant Employment. *Work Employment & Society*, vol. 30, no 3, pp. 523–534. Available at: https://www.researchgate.net/publication/279008086_Commercial_Migration_Intermediaries_and_the_segmentation_of_skilled_migrant_employment (accessed 17 November 2022).
- Buckley M., Zendel A., Biggar J., Frederiksen L., Wells J. (2016) *Migrant Work and Employment in the Construction Sector*, Geneva: International Labour Office. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_538487.pdf (accessed 17 November 2022).
- Demintseva E. B. (2020) Deti migrantov v shkolakh Tomska i Irkutsk: problemy adaptatsii i mery vklucheniya v shkol'noe prostranstvo [Migrant Children in Tomsk and Irkutsk Schools: Problems of Adaptation and Measures of Inclusion in the School Space]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 18, no 4, pp. 673–688 (in Russian).
- Demintseva E. B., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. (2018) *Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration Policy: Diagnostics, Challenges, Proposals], Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok. Available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665> (accessed 17 November 2022) (in Russian).

- Dmitriev A., Pyadukhov G. (2010) Regional'nyy soysium: diaspory i posredniki v trudovoy migratsii [Regional Society: Diasporas and Intermediaries in Labor Migration]. *University proceedings Volga region. Politics and law = Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennyye nauki*, no 3 (15), pp. 66–74 (in Russian).
- Enright B. (2013) (Re)Considering New Agents: A Review of Labour Market Intermediaries within Labour Geography. *Geography Compass*, vol. 7, no 4, pp. 287–299.
- Esser H. (2004) Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*, vol. 38, no 3 (Fall), pp. 1126–1159. Available at: <https://www.jstor.org/stable/i27645416> (accessed 17 November 2022).
- Gladarev B. S., Cinman Zh. M. (2010) Militsionery i gastarbaytery: ulichnye praktiki pereraspredeleniya resursov [Policemen and Guest Workers: Street Practices of Redistribution of Resources]. *Sociological Journal = Sociologicheskij Zhurnal*, no 1, pp. 37–62 (in Russian).
- Grebenshchikova T. (2007) Trudovye migranty iz Srednej Azii v stroi tel'nom sektore Irkutsk: rol' instituta posrednichestva [Labor Migrants from Central Asia in the Construction Sector of Irkutsk: The Role of the Intermediary Institution]. *Migranty i diaspory na Vostoke Rossii: praktiki vzaimodejstviya s obshchestvom i gosudarstvom* [Migrants and Diasporas in the East of Russia: Practices of Interaction with Society and the State] (eds. V. I. Dyatlov, N. G. Galetkina, K. V. Grigorichev, D. V. Kozlov, I. V. Nam, A. V. Remnev, N. P. Ryzhova), Irkutsk: Nataleese, pp. 107–119 (in Russian).
- Grigorichev K. V. (2020) "Nepравil'nye kitaytsy" i zahvachennyy gorod: osparivanie gorodskogo prostranstva kak vyrabotka praktik vzaimodejstviya s «drugim» ["Wrong Chinese" and the Captured City: Challenging Urban Space as the Development of Practices of Interaction with the "Other"]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, vol. 18, no 4, pp. 593–608 (in Russian).
- Grigorichev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O., Bryazgina D. E. (2019) *Bazar i gorod: lyudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and City: People, Spaces, Images], Irkutsk: Ottisk (in Russian).
- Heckmann F. (2003) *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*, Stuttgart: Lucius & Lucius. Available at: <https://books.google.ru/books?id=-ZFsDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 17 November 2022).
- Lan'kov A. (2020) Severokoreyskie rabochie v Rossii: kriterii otbora i motivatsii rabotnikov [North Korean Workers in Russia: Criteria for Selection and Motivation of Workers]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations = Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 13, no 2, pp. 206–224. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.206> (accessed 17 November 2022) (in Russian).
- Larin A. G. (2009) *Kitayskie migranty na postsovetskom prostranstve. Istorija i sovremennost'* [Chinese Migrants in the Post-Soviet Space. History and Modernity], Moscow: Vostochnaya kniga (in Russian).
- Ledyayev V. (2008) Gorodskie politicheskie rezhimy. Teoriya i opyt ehmpiricheskogo issledovaniya [Urban Political Regimes. Theory and experience of empirical research]. *Russia and the Contemporary World = Rossiya i sovremennyyj mir*, no 4, pp. 129–143 (in Russian).

- Migratsiya naseleniya Irkutskoy oblasti po vidam migratsii [Migration of the Population of the Irkutsk Region by Types of Migration] (2022). *Irkutsk Federal State Statistics Service = Irkutskstat*. Available at: <http://irkutskstat.gks.ru/> (accessed 22 August 2023) (in Russian).
- Mukomel' V. I. (2017) Migranty na rossiyskom rynke truda: zanyatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda [Migrants in the Russian Labor Market: Employment, Mobility, Intensity and Wages]. *Statistics and Economics = Statistika i ekonomika*, vol. 14, no 6, pp. 69–79 (in Russian).
- Nedel'ko S. I., Pyadukhov G. A., Zhivodrova S. A. (2015) Migratsionnye kvoty i posredniki: tekhnologii tenevykh praktik [Migration Quotas and Intermediaries: Technologies of Shadow Practices]. *Authority = Vlast'*, vol. 21, no 10, pp. 92–95. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2876> (accessed 17 November 2022) (in Russian).
- Olimova S., Bosk I. (2003) *Trudovaya migratsiya iz Tadzhikistana* [Labor Migration from Tajikistan], Dushanbe: Predstavitel'stvo Mezhdunarodnoi organizatsii po Migratsii. Available at: http://www.iom.tj/pubs/Labour_Migration_Rus.pdf (accessed 19 November 2022) (in Russian).
- Peshkova V. (2018) Predprinimatel'skaya aktivnost' inostrannykh trudovykh migrantov v Rossii. Na primere kirgizskikh migrantov v Moskve i Moskovskoy oblasti [Entrepreneurial Activity of Foreign Labor Migrants in Russia: On the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow and the Moscow Region], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 11–40. doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-11-40 (in Russian).
- Pomfret R. (2003) *Central Asia Since 1991: The Experience of the New Independent States*. Working Paper, no 212, Paris: OECD Publishing. Available at: <https://doi.org/10.1787/738202560358> (accessed 27 November 2022).
- Popov A. D. (2003) Inostrannaya rabochaya sila v ekonomike Rossii. Migratsiya naseleniya i perspektivy demographicheskogo razvitiya Rossii [Foreign Labor in the Russian Economy. Migration of the Population and Prospects for the Demographic Development of Russia]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Migratsiya naseleniya i perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii"*. 22 noyabrya 2002 g. *Doklady i tezisy dokladov* [International Scientific-Practical Conference "Migration of the Population and Prospects for the Demographic Development of Russia". November 22, 2002. Reports and Abstracts], Moscow: GU IMEI, pp. 145–148. Available at <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0107/analit02.php> (accessed 21 October 2022) (in Russian).
- Ryazancev S. V. (2016) Vklad trudovoy migratsii v ehkonomiku Rossii: metody otsenki i rezul'taty [The Contribution of Labor Migration to the Russian Economy: Assessment Methods and Results]. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University = Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, no 2 (22), pp. 16–28. doi: 10.12737/18147 (in Russian).
- Ryazancev S. V. (2018) Trudovaya migratsiya v Rossiyu: miphy i kontrargumenty [Labor Migration to Russia: Myths and Counterarguments]. *RUDN Journal of Economics = Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika*, vol. 26, no 4, pp. 718–729. doi: 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729 (in Russian).
- Salami B., Tulli M., Alaazi A. D., Juen J., Khasanova N., Foster J., Vallianatos H. (2022) Formal and Informal Support Networks as Sources of Resilience and Sources of Oppression for Temporary Foreign Workers in Canada. *Migration Studies*, vol. 11, no 2, pp. 52–74. doi: 10.1093/migration/mnac038

Spaan E., Naerssen T. (2017) Migration Decision-Making and Migration Industry in the Indonesia–Malaysia Corridor. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 44, no 4, pp. 680–695.

Urinboev R. (2021) *Migration and Hybrid Political Regimes. Navigating the Legal Landscape in Russia*, Oakland: University of California Press.

Vashchuk A. S. (2012) Trudovye migranty iz KNDR na rossiyskom Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XX — nachale XXI veka [Labor Migrants from Democratic People's Republic of Korea in the Russian Far East at the Second Half of the 20th — the Early 21st Century]. *Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East = Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no 1, pp. 76–81. Available at: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/c3c/12-01.pdf> (accessed 20 August 2023) (in Russian).

Vorona M., Karpova G. (2013) Pravo na inklyuziyu: analiz problem trudovoy migratsii na regional'nom urovne [The Right to Inclusion: An Analysis of Labor Migration Problems at the Regional Level]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 11, no 2, pp. 171–178 (in Russian).

Zabrovskaya L. (2008) KNDR—Rossiya—RK: obmen trudovymi resursami [North Korea—Russia—RK: Labor Exchange]. *Demoskope Weekly*, no 333–334. Available at <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php> (accessed 14 August 2022) (in Russian).

Zokirov R. S. (2009) Problema zashchity prav trudovykh migrantov [The Problem of Protecting the Rights of Labor Migrants]. *Bulletin of TSU LBP. Series of Social Sciences = Vestnik TGUPBP. Seriya obshchestvennykh nauk*, vol. 40, no 4, pp. 22–27 (in Russian).

Received: April 27, 2023

Citation: Timoshkin D., Voloshin A. (2023) Kak nephormal'nye posredniki v stroitel'noy industrii vliyut na vkluychenie transgranichnykh migrantov v tenevoy rynek truda (Na primere Irkutska i Krasnojarska) [How Informal Intermediaries Influence the Inclusion of Cross-Border Migrants in the Shadow Labor Market (The Case of the Construction Industry in Irkutsk and Krasnoyarsk)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 4, pp. 74–97. doi: 10.17323/1726-3247-2023-4-74-97 (in Russian).